Чума, которую звали И чумою нечумою, но отъ которой люди умирали сотнями и тысячами не обращая вниманія званіе мора-лихорадки, повздомъ убійственныхъ, цълымъ послъдствій, мучительныхъ передушили не менѣе православнаго люду, какъ и самая чума-безымянка – все это прошло мимо. Судьба обнесла меня этою чашей, подносивъ ее, для искушенія въ смиренномудріи, цѣлый годъ сряду, ежедневно, къ изнемогшимъ, изсякшимъ устамъ. Жестокая, неумолимая лихорадка, правда, натъшилась и надо мною до-сыта; но благодатныя силы природы наконецъ взяли верхъ – и человъкъ забываетъ всъ страданія также скоропостижно, какъ они его покидаютъ. Чума не полюбила меня. Волею и неволей, случайно и умышленно, прикасался я не разъ къ чумнымъ, безъ всякихъ дальнъйшихъ предосторожностей,

и остался еще на этомъ перепуть — и досель еще, жадный жить и готовый умереть, шагаю, или бъгу взапуски съ вами, по общему нашему поприщу, по пути юдольной жизни, по которой мы не-хотя другъ друга обгоняемъ, не-хотя торопимся жить и умереть. Скоро живемъ, друзья, и скоро умираемъ!

Но я бы не желалъ, чтобы кто-нибудь выраженіе: «которую звали и чумою и нечумою», почелъ какую-нибудь за неумъстную насмъшку. Въ доказательство противнаго осмълюсь высказать въ трехъ словахъ собственное мнѣніе мое объ этой чумъ; мнъніе, которое, надъюсь, простять мнѣ, если разсудятъ, что Я свидѣтелемъ того, что описываю, слъдовательно и мнъ, какъ и всякому другому, мнѣніе свое дозволено: и я могу ошибаться, какъ и вы, друзья мои, но не менъе того, мыслящій человъкъ не можетъ не мыслить.

Что нужды до названія; зовите чумой, зовите нечумой; но я убъжденъ, что бользнь, которая въ Турціи, Молдавіи и

Валахіи свиръпствовала BO время послѣдняго похода, подъ тавромъ и тамгою смерти, не была намъ сообщена Турками, а развилась войскахъ нашихъ. ВЪ образовалась, какъ злокачественныя лихорадки, какъ пожирающія повальныя горячки, безъ коихъ никогда еще не бывало продолжительной войны. значительной и обстоятельства образовали Мѣстность И здѣсь чуму, или, пожалуй, нервно-гнилуюгастрическую горячку изъ тъхъ же началъ, иныхъ отношеніяхъ, коихъ, при образуется иная бользнь. Доводами мнънія своего не подкръпляю; это было бы здъсь неумъстно, да и доводы этаго разбора убѣдятъ; никого не доводы доказательства; а этихъ здъсь нътъ и быть не можетъ. Ученые и опытные собраты мои сомнънія при останутся безъ своемъ мнъніи, какъ я остаюсь при своемъ. Я почитаю вообще мнъніе – будто бы чума изпоконъ-вѣку Турціи тлится ВЪ искрой — несправедливымъ; подпепельною чума почасту образуется, при извъстныхъ данныхъ, вновь; слъдовательно могла она

образоваться и въ рядахъ войскъ нашихъ, поставленныхъ въ тѣ же самыя мѣстныя отношенія; и споръ — Египетская ли это чума, Цареградская ли, Молдавская ли — не стоитъ торговъ и переторжки, потому что это все равно, откуда бы она ни взялась. Достовѣрно то, что она шла по пятамъ нашимъ до самаго Адріанополя.

И такъ всю бѣду эту свалили мы съ плечь долой, спокутковали, какъ говорятъ на Украйнъ; пришли на родину, проглянули новою жизнью, собрались-было опочить на размѣстившись своихъ, лаврахъ жидовскихъ мъстечкахъ западныхъ губерній, какъ два бича человъчества почти единовременно взвились надъ сумрачнымъ лицемъ земли, и отечество вновь призвало дътей своихъ въ ряды ополченія противъ мора и войны. Холера и мятежъ въ Польшъ разразились надъ злополучнымъ краемъ.

Половина губерніи, въ которой мы стояли, не въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Можетъ быть, паны — экономы — рахмистры — кассиры въ этомъ неболѣе виноваты, какъ и самый образъ

господскаго управленія; здѣсь откупы на все: на свъчи, на сало, на деготь, на соль и печеный xл+ δ - μ пронырствомъ единомышліемъ своимъ И понижають и цѣну звонкой повышаютъ произволу. Между прочими монеты ПО налогами на мужиковъ позабавилъ слъдующій: ежегодно раздается на каждый дворъ по извъстному числу яицъ; бабы обязаны высидъть и представить къ сроку цыплятъ.

Едва только зимніе короткіе дни начали расти, 12 Декабря 1830 года, и мы уже выступили изъ своихъ кантониръ-квартиръ, пошли снѣгами и морозами, только-что отдохнувъ отъ знойнаго лъта Турціи. О, если бы по-крайней-мъръ люди, такихъ обстоятельствахъ, всегда смыкались ближе и дружнъе, а не пилили другъ друга причудами, упрямствомъ, упорною И брюзгливостію! безсмысленною Съ товарищами славно, МЫ жили дружно, весело; мы помогали другь другу коротать скучный и смутный часъ, и забывали горе

за походными шутками и дружнымъ весельемъ.

Мы пришли въ Каменецъ-Подольскій, эту неприступную для древнихъ твердыню, которую нынъшнее военное именословіе не честить даже и названіемь крѣпости, хотя городъ стоитъ на неприступной скалѣ, на островъ, который кругомъ обтекаетъ ръчка Смотричь, между-тъмъ-какъ соединяется материкомъ съ только гребнемъ самороднымъ И каменнымъ мостомъ съ башенками, покрытымъ путемъ, всѣми принадлежностями воротами И полуазіатскаго полуевропейскаго И военной зодчества тогдашней защиты. Возвышенные сторону холмы TyПО Смотрича, обтекающаго кольцеобразно градъ Подола, повелѣваютъ, въ военномъ смыслѣ, городомъ, и потому онъ кръпости негодится. Здъсь, въ Каменцъ, св. Апостолъ снова воцарился на высокомъ минаретъ, выстроенномъ нъкогда Турками, по обращеніи косцела въ мечеть.

Въ Каменцъ сидъли мы нъсколько времени между холерою и мятежемъ. Во

ожиданіи того и другаго, я познакомился съ презабавною Еврейскою четою, которую нѣсколькихъ долженъ ВЪ словахъ Жидокъ представить читателямъ моимъ. этотъ съ плотною и сговорчивою половиною былъ замѣчательное лице царствъ Израильскомъ. Гусляръ, скрипачь, разбитной малый, весельчакъ, гуляка, съ презрѣніемъ глядѣлъ онъ на суетныхъ, корыстныхъ, скаредныхъ собратовъ своихъ и пускалъ послъднюю копъйку ребромъ, разъ, копѣйка каждый когда заводилась. Но и онъ и супруга его не переродились съмени отъ своего; смошенничать и обмануть гоя, крещенаго врожденной склонности этой ОТЪ тороватыя души ихъ не могли отказаться. На Подолъ есть семья Евреевъ, которая хранитъ и сохраняетъ, въ видѣ тайны, наслъдственное искуство снимать бъльмо; прадъдъ, дъдъ, отецъ, сынъ внукъ И промысломъ занимались этимъ хорошія заработывали деньги. R лично семью операторовъ-самоучекъ; они катаракту (methodus осаживаютъ

depreffionis) простою и прямою иглою; не при употребляютъ ЭТОМЪ другихъ НИ способовъ, ни орудій – и одностороннее, безусловное слъдованіе одному способу, при разныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ, не всегда можетъ увънчано лучшимъ успъхомъ. Жидокъ мой принадлежалъ, по супругъ своей, къ этому жъ поколѣнію цеховыхъ бѣльмоцѣлителей, но какъ распутное дитя, въ которомъ не видали много проку и толку, былъ признанъ недостойнымъ своимъ цехомъ тайны свътодарнаго искуства, быль изгнанъ своими, поселился въ Каменцъ и гулялъ, кутилъ и мутилъ не въ свою голову. у этой всешабашной головы на стоялъ постоъ. Онъ и хозяйка его стали водить и возить ко мнъ со всъхъ концевъ Подола слѣпыхъ, не могли нахвалиться безкорыстіемъ моимъ, готовностію помогать несчастнымъ, которымъ давали у себя, по челов вколюбія, сотраданія чувству И безвозмездное пристанище дневную И пищу, и отпускали ихъ наконецъ зрячими, присоединяя усердныя мольбы свои

мольбамъ одаренныхъ свътомъ: **ВНОВЬ** здравіе, мольбы долголѣтіе **3a** мое, считая собственную благоденствіе заслугу свою, какъ сами выражались, ни во что; помощь и содъйствіе ихъ въ сравненіи была, увъряли какъ моею Ho, какъ думаете, ничтожна. ВЫ что открылось? Почтенный жидокъ достопочтенная подручница его не только обирали именемъ вспомоществующаго слѣпыхъ постояльцевъ своихъ, сами себя прославляли безстыдно ВЪ цѣломъ околодкѣ цѣлителями слѣпоты, что наслѣдственное искуство объявивъ, низошло свыше на отростокъ поколѣнія свътодавцевъ – и успъвали этомъ, ВЪ потому-что слѣпой не видитъ руки, дарующей ему свътъ, И что онъ безпредѣльной радости своей **ГОТОВЪ** признать спасителемъ своимъ всякаго, кто самъ имъ вздумаетъ назваться.

Между-тѣмъ моръ сталъ свирѣпствовать и въ Каменцѣ. Мѣстное главное начальство раздѣлило городъ на части, довѣрило каждому изъ насъ по одной и предоставило

время усмотрѣнію же каждаго ВЪ употреблять всъ строгости оцъпленія, или нътъ. Мы имъли удовлетвореніе видъть, впослъдствіи, изъ частныхъ въдомостей оцѣпленныхъ своихъ, болѣзнь что ВЪ частяхъ города не прекратилась ранѣе, а въ неоцѣпленныхъ не распространялась сильнъе; что, напротивъ, дни большей и меньшей смертности совпадали въ цѣломъ городъ, и что слъдовательно ходъ, ростъ и обусловленъ упадокъ болѣзни причинами, которыя раждались, распространялись и исчезали независимо отъ заставъ, цѣпей и карауловъ.

Каменцу примыкаетъ Къ слободка, сборъ полугнилыхъ жалкихъ, лачужекъ, расположенныхъ на поемномъ, низменномъ долу — это царство сырости, неопрятности, тъсноты; нищеты, присоедините еще тому ужасную всепожирающую болѣзнь, которая въ-сутки лишала семейство отца или матери, жену мужа, дътей кормильца и кормилицы – и бъдствующее человъчество стоитъ передъ вами во всей наготъ своей, на

высшей степени безпомощнаго и отчаяннаго положенія.

Этотъ уголъ присоединился по какому—то наслѣдству* къ моему участку. Суевѣріе, недовѣрчивость, недостатокъ въ пищѣ, въ средствахъ, въ присмотрѣ — все это, въ соединеніи съ тѣмъ, что я сейчасъ описалъ, ей—ей, могло бы свести съ ума того, коего попеченію довѣрено было бѣдствующее человѣчество, поверженное ницъ въ отчаянныхъ, предсмертныхъ судорогахъ своихъ.

Въ этой-то слободкъ Каменца стояла домишко, поблаговиднъе хижинка, ИЛИ сосъдей своихъ, почище получше И выстроенный. Домикъ этотъ стоялъ на углу, на второмъ переулкъ послъ крутаго спуска. Видно было по всему, что хозяинъ нѣсколько зажиточнъе большей части слободки, обитателей избушка что поддерживалась постоянно въ исправности; и я готовъ былъ также спорить о чемъ угодно, что хозяинъ добрый старичокъ, и что въ домъ есть взрослая дочь или дочери.

* По наслъдству медицинскому; предшественникъ мой выбылъ.

соображенія Bcb отвлеченныя ЭТИ промелькнули въ мысляхъ моихъ, когда я въ первый разъ увидълъ домишко этотъ – и проходя здѣсь ежедневно два-три раза, вскоръ увърился, что я ни въ чемъ ошибся. Домъ, какъ Я сказалъ, угольный; передъ красивенькій нимъ палисадникъ съ цвътами и деревьями; на улицу стояли ворота, ВЪ переулокъ, палисаднику, КЪ вела калиточка. Я часто впослъдствіи любовался благообразнымъ, стройнымъ старикомъ, тростію который, рукѣ, ВЪ СЪ сюртукѣ, коричневомъ попадался иногда навстрѣчу, выходя изъ приворотной калитки этаго дома. Притворивъ бережно за собою калитку, окидываль онъ взоромъ цвъты и деревья въ палисадникъ, кланялся мнѣ учтиво и отправлялся мѣрными шагами городъ, между-тъмъ-какъ премилая дъвушка неръдко выбъгала въ калиточку, которая вела со стороны переулка палисадникъ, посылая за отцемъ своимъ напутное: «до свиданья.» Она, дъвица, не обращала никакаго вниманія на

проходящихъ, а скрываясь за довольно густыми кустами и деревьями, почасту тъшилась и забавлялась грядками и цвъточками своими.

Мирное жилище это радовало и утѣшало меня каждый день. Казалось, какое-то благословеніе почивало подъ драничной кровелькой; сердцу становилось здѣсь легко и отрадно, какъ будто пришло оно, съ дальней стороны, на родину.

Но въ мирномъ жилищѣ этомъ скоро нарушилась тишина и спокойствіе; все засуетилось: мать, дѣти, прислуга. Почтенный хозяинъ, нашъ старикъ въ коричневомъ сюртукѣ, занемогъ холерою.

Съ какимъ-то тайнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ вошелъ завѣтную ВЪ Я избушку, которая уже столько времени была ДЛЯ меня усладительною назидательною картиной. Я нашелъ все въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ домѣ ВЪ ожидалъ.

Почтенные, трудолюбивые старики, милыя, опрятныя дѣти, всеобщее устройство, порядокъ, тишина; а Ванда,

старшая дочь, разливала вокругъ голубыми очами своими утъшеніе, миръ и внутреннимъ спокойствіе... Съ какимъ объ удовольствіемъ вспоминаю ежедневныхъ посъщеніяхъ! Отъ глубины своей посвящалъ ихъ Я созерцательному самозабвенію, сокрушенное мелочными, мірскими заботами сердце, гораздо болѣе, нежели взглядъ на суетный памятникъ великаго человѣка, или размышленіе необыкновенныхъ его дъяніяхъ, давшихъ ему право гражданства въ избранномъ сонмъ повитыхъ дубовыми и лавровыми вънцами! Легче, сто разъ легче быть великимъ въ великихъ обстоятельствахъ, похитить на одно мгновеніе престоль и державу судьбы, и ръшить въ одинъ разъ, словомъ или дѣломъ, громкое мірогласное нежели быть событіе. великимъ маловажныхъ, пресмыкающихся, отношеніяхъ, житейскихъ которыя надовдають намъ на каждомъ шагу, отравляютъ радость семейнаго всякую счастія, несносные, докучливые какъ

комары прогулкъ И мошки на ПО виноградникамъ. прелестнымъ разность величія половъ: мужчина бываетъ доблестенъ пять, шесть, десять разъ въку своемъ; женщина добродътельна съ утра до ночи; ведетъ кротко и смиренно священную войну свою co непріязненными стихіями домохозяйства, заключаеть каждый вечерь, на молитвъ кратковременное перемиріе, собравшись съ новыми силами, съ зарею уже начинаетъ снова, молча и безъ ропота, противоборствовать мелочнымъ житейскимъ, чтобы заслужить одобрительную улыбку отца, брата или мужа; далъе слава ея не простирается. Цѣните такихъ женщинъ, друзья, и забывайте, самому изящному что поэтическому созданію въ міръ досталась на долю самая прозаическая, существенная половина жизни: цѣните женщину, которая умъетъ соединить въ дълахъ, поступкахъ и обращеніи своемъ ЭТИ видимыя противоположности.

заболѣлъ который нашъ, холерою, не смотря на то, что былъ крайне труденъ, на мои глаза безнадеженъ, сталъ Благодарностямъ оправляться. не Домашніе, всегдашней ПО похвальной привычкъ своей, приписываютъ исцѣленіе непосредственно такое припаркамъ чудотворнымъ мазямъ, порошкамъ врача; a этому ничего не остается, какъ откланиваться на всѣ четыре стороны, потому-что искреннее увъреніе въ непричастности и невинности искуства его обычная бываетъ принимаемо какъ олицетворенной скромности, оговорка благодарности изъявленія признательности усугубляются ПО мѣрѣ возбуждаемаго объ предметъ **ЭТОМЪ** противоръчія.

По привычкѣ и по влеченію продолжалъ я навѣщать, мимоходомъ, черезъ день или два, мирныхъ обитателей драничной кровли; ознакомился съ ними, вскорѣ и сдружился, потому—что ничто на свѣтѣ не сближаетъ людей такъ, какъ бѣдствіе и горе. Явитесь въ попутную минуту

утъшителемъ бъдующаго существа, и вы можете, если можете, сдружиться и сойтись душа въ душу съ этой первой минуты встръчи. И вотъ, что изръдка услаждаетъ честнаго врача въ жалкомъ его положеніи.

Я видълъ, что общее горе тяготъло надъ семьею, въ которой я сталь почти свой; что отецъ, мать и Ванда болъютъ и скорбятъ семейнымъ недугомъ; НО молчали, и я молчалъ. Разъ, я помню, забылась, и мечтательное Ванда заволокло раздумье румяную облачкомъ, пасмурнымъ когда думное выраженіе чела и скорбящій взоръ очей ей измѣнили, я много прочиталъ въ этомъ; и Ванда, опомнившись и быстро взглянувъ на меня, угадала также то, чего я не хотълъ вымолвить; это я видълъ, это написано было на челъ и въ очахъ ея; но выговоривъ ясно на томъ же языкѣ: «не спрашивай меня, я молчу по гробъ свой» она мигомъ оправилась, и вся осанка и лице ея приняли опять уже это спокойное, выраженіе, умилительное постоянное И

которое вы найдете только въ Вандъ и ей подобныхъ созданіяхъ. Старушка, Ванды, проговаривалась только въ общихъ выраженіяхъ; но видно было, что горе ея было тогдашнимъ связано СЪ состояніемъ Польши. Отецъ говориль объ этомъ мало, отрывисто, всегда только въ двухъ-трехъ словахъ; но предметъ трогалъ его сильно; старикъ вздыхалъ и замолкалъ, или заговаривалъ о другомъ. Я видълъ ясно, что онъ въ высшей степени негодуетъ на горестное событіе это, на возмущеніе своихъ, обсуживая однородцевъ здравымъ и прямымъ разсудкомъ своимъ; но при всемъ томъ не хочетъ говорить, какъ потому, что сердце его сжималось однихъ только воспоминаніяхъ, потому, что передъ нимъ стоялъ Русскій, который могъ бы принять сердечныя слова Поляка за льстивые напъвы, вынужденные обстоятельствами; а одна мысль объ этомъ отымала у старика языкъ. Такъ общій духъ отношенія народовъ отзываются взаимныхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, и, если угодно, наоборотъ. Я узналъ только,

семейство ЭТО было родомъ Калиша, переселилось въ Каменецъ уже во Французской войны, ПО тогдашнихъ смутъ въ Польшѣ, что старикъ небогатый, но честный и уважаемый правословъ, который никогда не выигрывалъ несправедливаго, безчестнаго потому-что никогда **3a** него брался, старика И что сынъ нашего, образованный, даровитый, хорошо многообъщавшій юноша, надежда отца и кумиръ сестры и матери, ушелъ черезъ Галицію Замосць, надѣлъ синій ВЪ полуплащикъ съ висячимъ воротникомъ и серебряной цифровкой, и готовится итти съ дружиною Дверницкаго Волынь на Подолъ.

Я почти начиналь върить, что въ этомъ одномъ обстоятельствъ заключается горе Ванды и ея родителей, какъ нечаянный и маловажный по себъ случай навелъ меня на догадку, что это еще не все.

Ванда всегда и во всякое время носила на шеѣ мелкую и длинную золотую цѣпочку, на которой, казалось, висѣлъ

что-нибудь крестикъ, ладонка ИЛИ подобное. Въ одну темную и ненастную ночь деньщикъ меня будитъ, говоритъ, что больнаго; пришли ОТЪ ВЪ вскакиваю — и потьмахъ, ПО «Наша старика. своего Ванда занемогла,» сказаль онь мнь, увъряеть, что ей только сдълалось дурно отъ чаду, но я, извините отца, который дътей только ДЛЯ своихъ, нынѣ испугался: время тяжелое, бъдственное; у меня не стало духу сидъть и ждать развязки въ ужасной неизвъстности. Я рѣшился итти къ вамъ; Ванда моя чистою молитвою своею за васъ помолится помогите ей!»

Меня обдало холодомъ съ головы до ногъ. Ванда, подумалъ я про себя, поспѣшно одѣваясь, Ванда... что жъ? и она, и Ванда, и всѣ мы, всѣ, сколько насъ ни есть, живемъ, поколѣ дышемъ!

Чисты и достойны были помышленія мои, когда я вошелъ въ почивальню Ванды, и тепла молитва моя, когда я убъдился, что Ванда не ошибалась въ причинъ недуга

своего, сказавъ: «мнѣ право совѣстно, что батюшка васъ побезпокоилъ; это пустое; братишки мои шалили, топили воскъ на какія—то новыя проказы и начадили такъ, что у меня разболѣлась голова!»

Но во время этаго разговора, когда заботливый отецъ поднесъ свѣчу къ самому изголовью своей Ванды, взоръ случайно упалъ на молодаго Поляка въ синей венгеркъ и въ бълой, валяной плосковерхой шапочкъ съ загнутыми вплоть тульъ полями; лице молодецкое мужественное, казалось, даже слишкомъ удалое. Молодецъ этотъ обнялъ золотою цъпочкою шею Ванды, и въ эту минуту изголовьѣ скатившись, на лежалъ, недужной, рядомъ съ Я ея. головкою успокоилъ старика, раскланялся, ушелъ домой; но Полякъ въ бълой валяной на-бекрень, шапочкѣ темнорусыми СЪ усами, стоялъ передо мною, какъ стоитъ и теперь; я его вижу каждый разъ, когда вспоминаю о Каменцъ, о Вандъ, о Польшъ, и мнъ бываетъ тяжело и скучно.

Дверницкій кинулся изъ Замостья на Волынь, вопреки извъстій о переходъ его корпусъ Вислу, и за двинулся ему навстръчу. Теперь уже болъе никто не увърялъ насъ, какъ было это во время похода черезъ Ольшану, Браиловъ (Украинскій) и Умань, что конно-егерская дивизія двигается для поимки какаго-то разбойника Кара-Мелюка. Дверницкій безъ хлопотъ обезоружилъ на границъ слабый гарнизонный баталіонъ и заняль Устилугъ. Слухи на-разладъ достигали и встръчали корпусъ нашъ на походъ; войска не были еще на военномъ положеніи; маркитантовъ ни однаго; и потому терпъли мы много отъ недостатка и лишеній всякаго рода — не слъзали съ лошадей по пяти ночей сряду. По пути видъли мы Вишневецъ, колыбель Мнишковъ; поличіе Маріи и Лжедимитрія, съ надписью подъ послѣднимъ: Demetrius verus; видъли Кременецъ, гдъ нечаянное появленіе тяжелый наше, И артиллеріи, и дымящіеся пальники странно противоръчили мертвой, ночной тишинъ и наружному спокойствію боязно

выглядывавшихъ изъ воротъ и калитокъ жителей: осматривали большимъ СЪ любопытствомъ Кременецкій Лицей познакомились съ остроумнымъ, ученымъ мечтателемъ, ректоромъ или префектомъ, Зыковичемъ, и помнимъ краснорѣчивые разговоры его. «Тридцать лѣтъ,» говорилъ онъ, «учу я, опредъляю и поясняю разныя науки, но самъ не понимаю ни одной – и кажется, многіе собраты мои находятся въ отношеніяхъ. Физики, тъхъ же напримъръ – я предпочтительно занимался естественными науками — физики, наперекоръ здравому смыслу, разлагають и составляють лучь свъта изъ семи цвътныхъ лучей, передали теплотворъ И электричество, полюбовной сдълкой, владъніе другой, отдѣльной замысловатаго романа своего, съ тѣмъ, чтобы глава эта уже не мѣшала твшиться досыта, отдъльно, отвлеченно своимъ, семицвѣтною радугой. конькомъ Имъ и въ голову не придетъ, что свътъ, тепло, и самое электричество, и вся жизнь, всъ природы сосредоточены СИЛЫ И

соединены нераздѣльно въ лучѣ этомъ; что въ лучѣ заключается нѣсколько силъ: свѣтъ, тепло, электричество, силы растительныя и животныя.»

взбирались И другую на метафизическую крутизну, на крутую гору, у самаго Кременца, гдъ какая-то Литовская Бона выстроила когда-то укрѣпленный Остались замокъ. стѣны, подземная тюрьма И колодезь безконечной глубины. Видъли также Почаевскій монастырь, на границѣ Галиціи, составляющій уже самъ по себъ цълый городъ. Монахи припасли ДЛЯ гостинный объдъ, но и простая, братская трапеза ихъ очень хороша, чему немало способствують огромные, богатые подвалы, наполненные старыми, вкусными медами. Мы видъли богатства монастырскія.

Все это мы видѣли и перезабыли, потому-что намъ тогда было не до того, а помнимъ только, какъ Дверницкій былъ разбитъ подъ Боромелемъ, гдѣ алые гусары наши, стоявшіе на правомъ крылѣ въ третьей линіи, потянулись во-время ниткою

впередъ, выстроились, отрѣзали и изрубили хмѣльныхъ отчаянныхъ конниковъ, на-веселъ И очертя которые затесались-было туда, гдв имъ совсѣмъ было не мъсто; томнимъ также, хотя и вспоминаемъ, Поръцкъ, неохотно конецъ всѣхъ возстающихъ помнимъ наше, уничтоженіе отечество могучее Дверницкаго на самомъ рубежъ Галиціи, противъ Збараша. Долго войска наши за нимъ гонялись; хитро и осторожно металъ Дверницкій крюки и петли, стараясь обойти противника и проникнуть на Волынь или выбившись Подолъ; HO ИЗЪ прислонился полубратскимъ ОНЪ КЪ рубежамъ, убъдившись И уже подъ Боромелемъ, ЧТО не выдержитъ предстоящаго ему удара, распустилъ на всъ четыре стороны шумливую команду свою и сдаль оружіе Австрійцамь.

* Въ дѣлѣ этомъ два обстоятельства были для меня очень любопытны: первое, что изъ числа нѣсколькихъ сотъ Польскихъ уланскихъ сабель, которыя пересмотрѣлъ я впослѣдствіи самъ, едва ли десятая часть были отпущены; плѣнные на вопросъ мой объ этомъ увѣряли, что они не успъли заняться этимъ, хотя готовились къ походу цѣлую зиму, въ Замосцѣ; и второе, что копье, на которое надѣялись Поляки взамѣнъ сабель своихъ, самое пустое оружіе, если не прихватывается локтемъ, подъ мышкой, а держится наотмашъ, въ одной рукѣ.

16 Мая на-разсвътъ мы двинулись на непріятеля. Командующій объѣхалъ полки и объявилъ имъ, что непріятель прижатъ къ границѣ, что ему уйти уже нельзя, и что по-этому онъ будетъ разбитъ и уничтоженъ. Всегдашній отвътъ Русскаго солдата рады стараться встръчаль слова всъ горъли нетерпъніемъ начальника, и Полякахъ утомительные, вымъстить скучные, девятидневные переходы; корпусъ потянулся вдоль лъса; егеря полковника Г. прошли опушкой, перекликаясь зычными рогами, которые объясняли тѣмъ, быль знакомь языкь этоть, что делается въ лѣсу. Егеря разсыпались и окликались, какъ гончія по красному звърю. Съ лъваго и застрѣльщики гусары крыла алые усыпали поле; но когда поднялись мы на бугоръ, гдѣ четверть **3a** часа стоялъ непріятельскій пость, то его уже не было. Фланкеры и казаки понеслись въ погоню; Ахтырцы, Витгенштейновцы Оранцы, ними, и настигали и рубили бъгущихъ. Польская пъхота была въ фуражкахъ; а это противъ конницы очень невыгодно; **BCe**

полетьло; непріятель спасался, кто и куда могъ. Тутъ повозка, тамъ конь, ружье, туть ранецъ, тесакъ, сума; раненый, опершись на локоть, стонетъ въ здѣсь верховой ведетъ плѣнныхъ, которые проклинаютъ судьбу свою и попрекають другь друга въ большей степени вины или участія; здѣсь какой-то отчаянный наъздникъ во фракъ и круглой шляпъ отстръливается и отмахивается отъ двухъ гусаровъ, которые, нахлобучивъ него, налетъли, И СЪ говорится, только палки посыпались. Одинъ гусаръ взялъ, въ глазахъ моихъ, офицера и снялъ-было съ него тонкую шинель; но товарищъ гусара вырвалъ у него ее изъ рукъ, отдалъ плѣннику и сказалъ: «а какъ тебя дурака возьмуть завтра, да сымуть съ тебя рубаху?»

Я подошель поочереди и къ черному фраку, и на жалобы его о звърскомъ безчеловъчіи гусаровъ, изрубившихъ отдавшагося уже въ плънъ поборника ойчизны, я отвъчалъ положительно, что самъ видълъ два пистолетные выстръла его,

и что по-нашему этакъ въ плѣнъ не отдаются. Слово за словомъ, и оказалось, что фракъ мой зналъ коротко въ отрядѣ Дверницкаго Яна, брата Ванды. Онъ перешелъ съ отрядомъ за границу, чтобы никогда болѣе не возвращаться на родину, потому-что былъ замѣшанъ въ возмущеніи на Волыни, коимъ предводительствовалъ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ.

Корпусъ нашъ двинулся опять впередъ, и встрѣтилъ радостное извѣстіе, что генералъ К. разбилъ на-голову и утопилъ въ Вислѣ отрядъ Серавскаго, шедшаго на выручку Дверницкаго; 18 Мая перешли Бугъ пограничный, въ Устилугѣ, и этимъ начали вторую главу похода, коего третьей главѣ предстояло поприще за Вислой.

На одномъ изъ переходовъ по сю сторону Люблина, былъ пойманъ и изобличенъ высланный изъ Замосьця лазутчикъ, человъкъ уже въ лътахъ и семейный. Военный судъ приговорилъ его разстрълять. И такъ выкопали яму, надъли на преступника китель, привязали бъдняка къ столбу и дали по немъ холостой залпъ

двънадцати ружей. Генералъ велълъ ему дать 50 рублей за острастку и сказать въ крѣпости: «чтобы такихъ дураковъ не присылали.» Но милосердое превращеніе заслуженнаго смертнаго приговора шутку никому не было извъстно до самаго исполненія его; народъ сбъжался со всъхъ жиды, ненавидя сторонъ; Поляковъ, ликовали, бранили въ-глаза ихъ неистовую выражали радость чрезвычайно забавными ухватками. Когда же, послъ минутнаго невольнаго молчанія, гдъ всъ притаили духъ, испуганнаго на смерть Поляка отвязали, дѣло И объяснилось, общій шумъ, TO хохотъ, говоръ и разнообразныя чувства вслухъ и голосистыя сужденія зрителей сливались въ невнятный, шумный гулъ. одинъ жида, который, обширно оглянулся на широкопольной размахивая палкой И шляпой, задъвалъ сосъдей своихъ справа и слѣва, спереди и сзади, НО ничего видѣлъ, не слышалъ: такъ разсуждаль и спориль онь со стоявшею подлѣ него дѣвкою. Онъ глаголилъ

Польски; рѣчь его лилась рѣкой; горъли, бородка тряслась, выразительныя черты молніею пробъгали по лицу, и не смотря на трагическое положеніе его, онъ крайности. смѣшонъ до спорившая также СЪ нимъ, невольно обратила на себя мое вниманіе. Ръзкія въ ней противоположности ярко бросались въ глаза съ перваго взгляда: прекрасное лице и тупой, безсмысленный взоръ; стройный, по-видимому, какая-то станъ И было нескладность, которую трудно нимъ согласовать; изысканная тщательность въ полу-Украинскомъ, народномъ уборъ волосъ, и странная небрежность въ одеждъ; да и самая болтовня ея, при видимой безсвязности своей, какими-то яркими остроумія проблесками върно такъ попадала въ мъту, такъ прямо, просто и ясно доказывала истину, неостанавливаясь впрочемъ на ней ни на мигъ, а продолжая бъглый огонь свой и какъ бы затаптывая опять въ грязь драгоцфиную находку, что жиду наконецъ ничего не оставалось, какъ плюнуть, закричать десять разъ въ одинъ

духъ, что она дура, дура, дура, что съ нею нельзя говорить и прогнать ее домой за работу, потому что Юзя была его батрачка. Юзя хохотала, говорила, что умный дурака отъ себя, а самъ не гоняетъ отъ умный отходитъ; кричитъ что не ПО весь народъ, улицамъ на какъ панъ арендарь, жидъ, который перекричалъ и ее дуру, и прочее. Узнавъ отъ стороннихъ людей, что Юзя была родомъ изъ хорошаго дворянскаго дома, извъстнаго даже и въ бытописаніи Польши, но, какъ забракована въ высшемъ кругу, и наконецъ попала нынъ въ судомойки къ жиду, любопытства, постоялый изъ отыскалъ, дворъ его, или корчму, остановился тамъ до выступленія полка — и КвОН сама разсказала мнѣ вотъ что.

себя Она помнитъ еще ВЪ былъ родительскомъ домъ. Отецъ ея извъстнаго весьма магната В. потомокъ Осиротъвъ очень рано, была она призръна графинею Л., и воспитывалась вмъстъ съ Я была, говорила дочерьми ея. черезъ-чуръ жива, остра, чувствительна и

раздражительна, и слышала часто, какъ говорили, что склонна Я КЪ помѣшательству. Юзя выучилась языкамъ, музыкъ, образовала себя хорошо, но въчно бъсилась, шалила проказила. И хорошимъ отказала двумъ женихамъ, которыхъ назвала поимянно и описывала ихъ подробно – отказала для того только, съ-изъ-дътства объявила намъреніе натъшиться жизнію, свътскою свое перебъситься и итти двадцати лѣтъ монастырь. Ho нечаянная смерть благод тельницы Юзи произвела ужасный перевороть въ жизни сиротки. Были люди, которые ожидали смерти графини нетерпъніемъ. Суета, безпорядокъ, грабежъ и дълежъ оборотили все въ домъ вверхъ дномъ. Юзя, неутъшно рыдавшая надъ свъжею могилой второй матери своей, была покинута на произволъ судьбы; наконецъ даже изгнана изъ семьи; а преслѣдованіе и насиліе безнравственнаго человъка, давшаго бъдной скиталицъ лукавый пріютъ и хлъбъ насущный, ввергли совершенное ee ВЪ сумасшествіе. Каплица, часовня,

10,000 злотыхъ, выстроенная **3a** ею полученныхъ наслъдство отъ ВЪ благод втельницы, возвратила Юзѣ. ПО словамъ ея, разумъ. «Но, говорила она, я все-таки осталась дурочкой, И только прошлое, какъ во снѣ; иной день у меня память свъжъе, и я даже могу читать на трехъ языкахъ; иной день не помню буквъ, мелю, едва сама понимаю что, какъ напримъръ сегодня, едва И пересчитать сряду свои тринадцать. И тогда мнъ бываетъ легче.» – Почему же тринадцати? именно считаешь ТЫ до спросиль я. «А потому, что я привыкла каждый день, утромъ и вечеромъ, прежде и послѣ молитвы, считать до тринадцати: я родилась 13 числа, оба жениха сватались за меня 13 числа; матери мои объ умерли 13 числа; 13 числа я выбъжала изъ дому мнимаго втораго благодътеля моего кинулась въ рѣку, откуда вытащили меня уже безпамятною и безумною, и наконецъ я своеручно положила 13 числа первый каплицы.≫ Такъ камень она молола лепетала, безъ умолку, прибирая комнату

постоялаго двора; мыла, чистила, скребла и работала за-семерыхъ, чтобы къ шабашу, къ вечеру все привести въ порядокъ и угодить своему пану арендарю, и междутъмъ все продолжала молоть и бормотать. Пословица лилась у ней за пословицей, притчей, поговорка притча за вездѣ сквозилъ поговоркой, И толкъ, остатокъ разума; и вся наружность ея и самыя ръчи чрезвычайно странно и въ разладъ какомъ-то непонятномъ составлены были изъ ума и безумія. «У была пріятельница, подруга, меня продолжала Юзефа, по которой я и теперь, когда бываю въ своемъ умъ, горько плачу, и она по мнѣ плачетъ, это я знаю, и зоветъ меня къ себъ, да я нейду. Здъсь, въбатрачкахъ, я на своемъ мъстъ. Я была прежде слаба и нъжна; но съ тъхъ поръ, какъ я одурѣла, захилѣла душой, я тѣломъ стала свъжа, бодра и здорова. Видите, какія у меня здоровыя руки, и я могу работать, и работы не боюсь. По-этому я здъсь на своемъ мъстъ, никому не мъшаю, никто обо мнъ не заботится, никто обо мнъ

не сожалѣетъ, и я довольна и спокойна. А тамъ? что они тамъ со мною будутъ дѣлать? Они люди недостаточные, но порядочные; на кухнѣ держатъ меня не захотятъ, это я знаю; а куда же имъ дѣваться въ гостиной съ дурою, которая ину-пору не умѣетъ пересчитатъ своихъ тринадцати, и которая хоть и говоритъ всегда правду всякому, а все-таки дура? И Ванда стала бы тосковать по мнѣ день-за-день. Дура убивала бы ее не-хотя дурью своею. Сердцу ея было бы нестерпимо больно на нее смотрѣть. Зачѣмъ же я туда пойду? чего я тамъ не видала?»

— А гдѣ твоя Ванда? — спросилъ я. «Была когда-то моя, отвѣчала Юзя, какъ была у меня и своя душа; теперь она, Ванда, людская, чужая, Подолянка; а душу свою найду я когда-нибудь 13 числа, когда скину съ плечъ безумную голову свою, да Богъ милосердый меня призритъ.» Можете вообразить, друзья, какъ все это меня поразило, когда еще вдобавокъ оказалось, что Юзефа была подруга дѣтства Ванды! Весь пятничный вечеръ, до поздней ночи,

покуда не догоръли на другой половинъ шабашныя свъчи корчмаря*, разговаривалъ Юзей, сидя одинъ за **ДЛИННЫМЪ** бѣлой сосновымъ столомъ, на лавкъ, между-тъмъ-какъ разскащица маятникомъ ходила взадъ и впередъ, отъ печи къ столу, отъ стола къ полкамъ, отъ полокъ опять къ печи и поралась, хозяйничала, прибирала и наконецъ усѣлась прясть. Я не надивиться этому существу, составленному изъ однѣхъ противоположностей: не могъ довольно углубиться въ духовный бытъ, въ загадочной, необъяснимой этой жизнь казалось, которая, души, не лишилась божественности своей, сколько пострадала какаго-то ОТЪ непонятнаго превращенія, оставившаго неизгладимые слъды разстройства и безпорядка. Самый даже языкъ ея состояль изъ какаго-то пестраго смѣшенія Польскаго, Украинскаго, нарѣчія Мазуровъ, съ примѣсью и вставкою иностранныхъ множества словъ, употребительныхъ только ВЪ

 * Жиды не гасять св * чь въ пятницу, когда справляють шабашъ свой, а дають имъ догор * ть и погаснуть.

образованномъ обществъ. Юзефа, разговорившись о бывшей подругъ своей Вандъ, плакала и смъялась въ одно и тоже время, и похвалилась, что хранить еще у себя письма Ванды, хотя уже и не читаетъ 13 числа каждаго мѣсяца, ихъ, а иногда, развертываетъ разсматриваетъ. ихъ И Признаюсь, что мнѣ хотѣлось заглянуть въ эти письма, но я робълъ просить объ этомъ Мнъ какъ-то совъстно Юзефу. воспользоваться нынѣшнимъ положеніемъ, чтобы вывъдать душевныя тайны Ванды. Я только взглянулъ во всъ глаза на Юзефу при словъ: **«письма** Ванды», глядълъ и молчалъ. Но Юзефа взоръ сомнѣніемъ, сочла ЭТОТЪ и прямодушіе ея откровенность оскорбились. Она ВЪ туже минуту бросилась къ простому бѣлому сундуку, стоявшему, даже безъ замка, подъ лавкой, вынула завернутый въ истасканную бълую косынку пучекъ писемъ и положила ихъ передо мною на столъ. «Вотъ они, говорила она, нъхъ панъ власне чита; прочитайте сами.≫

подолянка. 38

тобою, Винюсь передъ милая Ванда, прекрасная винюсь И передъ Мнъ недолжно было читателями. писемъ этихъ, потому-что мнѣ говорила это совъсть моя; а я ихъ прочелъ... прочелъ съ наслажденіемъ умиленіемъ, И которое благодатно возвышаеть душу нашу, спокойствіе, миръ И насылаетъ заставляетъ произнести въ сердцѣ обѣтъ стремиться всъми силами къ доблести и добродътели, сродниться духомъ дъвственною, непорочною душою. Я прочелъ письма эти; но я не употреблю во зло дътской и взбалмашной довъренности Вандиной подруги; не скажу объ нихъ болъе ни слова.

Когда я на другой день сидълъ уже на конъ и тянулся съ полкомъ по Люблинской дорогѣ, я не сердился на пасмурную погоду и мелкій дождь; погода эта какъ-то была болѣе думою въ-ладу съ моею, нахохлившись завернулся бурку ВЪ молчалъ до самаго привалу. Немудрено, думалъ я, что въ душу бъдной Ванды, испытавшей кручина, это, запала **BCe**

обложившая мыслящее чело ея облакомъ томной грусти! Ванда потеряла подругу необыкновеннымъ, ужаснымъ образомъ, и подруга эта, не смотря на убъдительную, отчаянную мольбу и неутъшную печаль, послѣднихъ письмахъ выраженныя ВЪ могла уже болѣе быть Ванды, не погибла была, ДЛЯ нея заживо, невозвратно! Ванда, въроятно, утратила также, едва ли ненавсегда, любимаго брата, къ которому она приросла душой; и опятьтаки утратила чрезвычайнымъ, выходящимъ изъ ряду случаемъ; братъ сдѣлался, по своей, преступникомъ: волѣ ЭТО лицѣ отца и сестры. написано на я, въ цыфрованной Кракусъ, подумалъ епанчъ и бъломъ колпачкъ? Онъ обнялъ Ванду и повисъ на ней золотою цѣпью? кто онъ?

Но вотъ насталъ Троицынъ день, а съ нимъ и день сраженія при Сърокомлѣ и Будзыско — день, рѣшившій въ извѣстномъ отношеніи знаменитый вопросъ Гамлета.

Вслъдъ за тъмъ генералъ нашъ перешелъ Вислу – и я, находясь при

постройкъ судовъ моста, И провелъ нъсколько полезно-трудовыхъ недъль въ веселомъ братствъ и пріятныхъ дъльныхъ занятіяхъ. Время это невольно напоминало мнъ морскую службу, тъмъ болъе, что я сошелся здѣсь съ двумя сослуживцами и однокашниками, также покинувшими флотъ. Но, друзья, Морской Кадетской корпусъ оставилъ во мнъ не тъ впечатлънія, Дерптскій поминъ, какъ тотъ университетъ. Оставлю и упомяну это, только, что 25 и 26 Августа сидълъ я, кръпко задумавшись, въ землянкъ своей, укрѣпленіи мостовомъ ВЪ Казимиромъ, прислушиваясь къ глухому гулу Варшавскихъ батарей и какъ бы стараясь распознать выстрѣлы артиллериста — и въщее, скорбящее сердце меня не обмануло: былъ тутъ и такой выстрълъ, который обдалъ его картечью и Благородный мъстъ. положилъ на сослуживецъ могилу почтилъ его памятникомъ.

Когда Варшава была взята, генералъ разбилъ и разогналъ всъ скопища въ

Краковскомъ Сендомирскомъ И воеводствахъ, и чтобы очистить всю страну эту положительно отъ буйныхъ заняль вольный городь Краковь, который самъ по себъ не хотълъ, или не могъ выдать прогнать скопившихся немъ была повстанцевъ. Краковскому сенату предложена объ этомъ нота отъ державъ, и до времени назначенъ отъ нихъ же троякій гарнизонъ.

Вольный городъ никакъ не ожидалъ такой мъры. Поляки были сначала грубы, дерзки, кричали и козыряли; но когда стали собирать по домамъ разбѣжавшіеся остатки отрядовъ Каминскаго и Ружицкаго, офицеры сотнями переходили черезъ мостъ у Подгорья въ Галицію, высиживали тамъ холерный карантинъ И толпами расхаживали прибережью правому ПО Вислы. Собираясь покинуть отчизну свою навсегда, они прощались съ нею взорами, съ любопытствомъ поглядывая на то, что дълалось въ Краковъ.

Древній Краковъ и окрестности его занимательны. Всюду бытописательныя,

сказочныя и баснословныя воспоминанія; каждый предметь говорить старинъ 0 незапамятной: Флоріенская башня, городъ въвздв Вильчковицъ, изъ ВЪ возвращеніи Собіескаго ПО выстроенная изображающая изъ-подъ Вѣны И воротахъ 3 башенкахъ своихъ И вольнаго Кракова; Маріинскій косцель, на которомъ площади, при постоянно содержится трубачь, обязанный выходить на колокольню и играть каждый разъ, когда бьють часы; это, говорять, осталось въ память Татарскихъ набъговъ, когда такой же трубачь возвъщалъ жителямъ съ башни св. Маріи предстоящей O опасности. Ежегодно, другой день Троицы, на вы взжаетъ изъ такъ называемаго зв вринца, за песками, черный рыцарь на деревянномъ конѣ – и народъ толпится около него и ликуетъ. Это также дълается въ память освобожденія въ этотъ день Кракова отъ Татаръ неизвъстнымъ, какимъ-то рыцаремъ. чернымъ явленнымъ Вавель, гдѣ сидѣль смокъ, змій-людоѣдъ, котораго убилъ Кракусъ, за что и признанъ

подолянка. 43

Кракуса, королемъ. Замокъ камня выстроенъ ИЗЪ вновь Болеславомъ-Кривоустымъ; Владиславъ-Локетекъ передълалъ его по-своему, съ подземными ходами; Казимиръ-великій обновилъ, Сигисмундъ Августъ выстроилъ при немъ башню на крутомъ куриной получившую названіе стопы. Австрійцы, въ 1744 году, передълали послѣ 1809 казарму; замокъ ВЪ a богадельню; онъ превратился ВЪ впослъдствіи поддерживали замокъ Кракуса собираемою съ городскихъ жителей поокончиною; въ Суленицъ, что нынъ гостиный дворъ, Казимиръ-великій даваль пирь тремь королямь, выдавая дочь за Владислава Чесскаго; наконецъ, даже самое жидовское предмѣстье Кракова — все занимаетъ. Не менъе это завлекаетъ и любопытны окружности: могила Кракуса по ту сторону Вислы, гдъ на Святой-недълъ гулянье; это огромный бываетъ называемой Ручный: преданіе увъряеть, что подданные Кракуса, изъ любви къ нему, насыпали могилу эту горстями; могила

полу-баснословной красавицы, наслѣдовавшей Кракусу; Нѣмецкій князь Рудигеръ и Владиславъ Чесскій искали руки ея; она полюбила Рудигера, а народъ требовалъ Владислава. Ванда отказала обоимъ. собралъ Рудигеръ войско пришелъ подъ Краковъ – и Ванда, чтобы избавить Краковянъ отъ страшной войны, утопилась въ Вислъ. Рудигеръ отошелъ съ грустію. Висла покинула на этомъ мѣстѣ старое русло свое и отошла на полмили, а Краковяне соорудили при деревнъ Могилъ памятникъ прекрасной и великодушной Вандъ. Холмъ Костюшки лежитъ на горъ св. Браниславы, на полмили отъ Кракова къ западу; самъ же Костюшка погребенъ на Вавелъ, подлъ Іоанна Собіескаго и Іосифа Понятовскаго. На горъ св. Браниславы стоитъ каплица, часовня во имя той же святой, и подъ горой поселены семейства воиновъ, служившихъ подъ начальствомъ Костюшки и освобожденныхъ навсегда, съ потомками, отъ всякой подати. Могила знаменитой Эстерки, небольшой холмъ въ Лобзовъ, въ полмилъ отъ Кракова, гдъ и по-нынѣ садъ и замокъ Казимиравеликаго. Всѣ четыре могилы эти, столь богатыя воспоминаніями событій, были, какъ говорятъ, разрыты побѣдоносными Австрійцами. Судя по боковымъ ямамъ, это и вѣроятно. Говорятъ, что въ могилѣ Эстерки найдены были древнія и богатыя вещи.

Но знаменитъйшая вещь, по близости Кракова, есть соляноломня въ Величкъ, въ Галиціи. Мы съѣздили туда и видѣли подземныя палаты, церковь, площади, переулки, улицы И простирающіеся ВЪ яруса три 140 саженей въ глубину, въ непрерывной толщъ каменной соли. Ломня существуетъ 1043 года. Пластъ соли СЪ покрытъ пластомъ известковой ракушки 86 саженей толщины. Каплица украшена изваяніями, весь ростъ, BO соляными островерхими памятниками, изсъченными изъ полупрозрачной породы стоялами. Зала Суворова, вымощенная приказанію ПО побъдоносца досками, великолъпно убрана гранеными подвѣсками И соляными

люстрами – и при свътъ огня блещетъ радугами. Озера въ семь саженей глубины, по коимъ прогуливались мы на лодкахъ. Словомъ, этому дивному богатству природы нътъ подобнаго въ Европъ; только нашъ Илецкій соляной пласть, въ 60 верстахъ отъ Оренбурга, въ степи Зауральской, необъятная и досель неизмъренная толща каменной соли лежитъ непосредственно ПОДЪ тонкимъ слоемъ земли, можетъ сравниться съ солянымъ пріискомъ Велички.

И здѣсь, въ Величкѣ, разсказу моему досталась въ удѣлъ вотъ какая развязка.

упомянуль уже, что Подгорье, Я лежащее по ту сторону моста, ведущаго черезъ Вислу, то есть на самомъ рубежъ набито Галиціи. было Польскими военнослужащими всъхъ полковъ, яздъ и легій. На мосту стояли попарно Русскіе и Австрійскіе часовые. Съ утра до вечера пестрая толпа въ чекменькахъ, венгеркахъ, епанчахъ И мундирахъ стояла ПО сторону роковаго моста, между-тъмъ-какъ безпрестанно множество колясокъ

47

подъѣзжали къ мосту, по эту сторону — и шляпки и платочки, кивая и размахиваясь, привѣтствовали родныхъ.

Однажды прошедши стоялъ Я, предмѣстье Казимира, неподалеку съ Венгерскими моста и разговаривалъ гусарами, которые просили меня убъдительно сводить ихъ въ станъ нашъ и показать казаковъ, когда, кинувъ случайно Вислу, черезъ наткнулся молодца, рослаго, статнаго синей цыфрованной серебромъ епанчъ, въ бълой, валяной шапочкъ. Глаза мои дрогнули, знакомца — и стараго снова отыскали лежала, казалось, мной передо Ванда, съ золотою цѣпочкою на бѣлой шеѣ, изголовье co скатившимся на мягкое продолговатымъ кружечкомъ... Измѣнникъ этотъ Полякъ въ бълой шапочкъ – злой измѣнникъ: онъ покинулъ милую свою и, скатившись съ персей на изголовье, выдалъ чужому, постороннему человъку сердечныя тайны Ванды! Но въ туже минуту спросилъ я у себя: кто же таковъ этотъ возмутитель блаженства мирной домашняго жизни,

нашей Ванды? Братъ ли это ея, котораго она такъ нѣжно любитъ, или иной кто? Мнѣ хотѣлось перемигнуться съ нимъ, вздохнуть и пожать ему молча руку, подать вѣсточку о Вандѣ; но, признаюсь, не зная, какъ приметъ онъ привѣтствіе мое, я не хотѣлъ испытать недружественной встрѣчи.

Черезъ нъсколько дней мнъ случилось самомъ Подгорьъ, вмъстъ однимъ офицеромъ, посланнымъ туда за дъломъ. Со мною былъ мальчишка лътъ шести, сиротка, котораго взяль я къ себъ Любельскомъ воеводствъ еше въ особому случаю. Отецъ его, вдовецъ, таскалъ его съ собою по всъмъ походамъ – и, будучи убить подъ Любартовымъ, предоставилъ сыночка попеченію нашихъ сестеръ милосердія - казаковъ. Ничто не можеть быть забавнъе и жалобнъе этихъ маленькихъ звърковъ, проживающихъ форпостахъ и пикетахъ, или пристающихъ полку походъ какъ на голодная собаченка, которой кинутъ солдаты косточку или корку хлѣба, и которая, изъ благодарности, остается при полку на все

время похода, и по всей справедливости носить имя полковой шавки. Полунагіе, зарываются ребятишки ЭТИ на НОЧЬ солому, ползутъ подъ плащъ солдата, переходять при смѣнѣ поста изъ рукъ въ руки, пекутъ преискусно на бивачномъ огнъ вырытый ими по сосъдству картофель или пшеничные колосья, И довольствуются сотрадательнаго казака крохами Шестильтній Францышекъ, солдата. болъе полугода тому, былъ съ отцемъ въ Каменцъ. Взявъ его подъ свою опеку, узналь я, что онъ даже часто бываль въ домѣ у старика нашего въ коричневомъ сюртукъ. Какъ бойкій мальчишка, извѣдавшій на короткомъ въку своемъ болѣе, нежели иной восьмивершковый сидень; одаренный острою памятью, наметавшись ко всему И ДЛЯ всего, Францышекъ исполнялъ отлично хорошо всякое порученіе, не хуже любаго деньщика жида-фактора. R глядѣлъ, или шестидесятилътняго задумавшись, на магната, который сидълъ Польскаго Подгорьъ съ женою и всъмъ семействомъ.

подолянка. 50

Статный, высокій рость его, льта, съдина и выразительное худощавое лице, привлекли на себя мое вниманіе, и я въ раздумьъ участь его, минувшую сравнивалъ Долгополый, настоящую. застегнутый сюртукъ и нахлобученная на глаза круглая шляпа, казалось, отъ взоровъ любопытныхъ хотъли проживающаго здѣсь подъ чужимъ именемъ князя. Въ это время мимоходомъ въжливо поклонился ему нашъ знакомый незнакомецъ въ бълой шапочкъ, сложивъ на пригоркъ глядѣлъ И руки сталъ грустно черезъ Вислу. Я задумчиво И нему — и подойти хотълъ КЪ раздумалъ, а подозвалъ Францышка велѣлъ ему заговорить СЪ нимъ И разсказать, что онъ бываль въ Каменцъ и знаетъ отца и семейство Ванды. Самъ же я прислушивался поодаль сталъ И разговору. Изумленный, обрадованный тронутый, молодой офицеръ сильно забросалъ Францышка вопросами – и не этой нечаянной опомниться ОТЪ встръчи, оглядывался кругомъ, И какъ

будто искалъ, откуда явился благодатный въстникъ. Мы сошлись, и я увидълъ, что недовърчивость и опасенія мои были въ этомъ случаѣ излишни – и я гордился и радовался за Ванду. Я узналъ избранномъ человъка образованнаго, чувствомъ. Это былъ умомъ и съ Бѣдная Ванда! – сказалъ когда мы прощались съ нимъ, поговоривши часу — бъдная Ванда! судьба мнѣ, продолжалъ (позвольте онъ горькими слезами на глазахъ, назвать это судьбою), судьба лишила тебя подруги, жениха и брата, и надълила сердцемъ, которое не перенесеть этой утраты!

Родный мнѣ по Вандѣ, знакомый незнакомецъ нашъ, неотступными просьбами выпросилъ у меня Францышка, съ которымъ не хотѣлъ разстаться.

Въ 1833 году встрѣтился я съ офицеромъ, товарищемъ по службѣ, хотя и не по званію — потому—что Павлоградскій гусаръ не докторъ — встрѣтился съ землякомъ и товарищемъ, съ которымъ, два года тому назадъ, были вмѣстѣ въ Каменцѣ

и часто разговаривали о Вандѣ и старикѣ въ коричневомъ сюртукѣ. Разговорившись о быломъ времени, я спросилъ: не знаешь ли, что съ ними сталось?

отвѣчалъ назадъ, «Полгода **TOMY** Павлоградецъ, покачавъ головой, былъ я въ Каменцѣ – и, спустившись съ каменнаго моста, прошелъ направо въ слободку мимо привѣтливой знакомой, избушки: запущенъ, палисадникъ цвѣты заросли бурьяномъ и крапивой – никто объ нихъ не заботится; калиточка заколочена шелевкой наглухо; старикъ въ коричневомъ сюртукъ выходить по-утрамь одинь-одинехонекъ и запираетъ за собою приворотную калитку на-замокъ. Ребятишекъ отдалъ онъ заведеніе, какое-то кажется, ВЪ больше видно Кременецъ; никого не осталось.»

В. ЛУГАНСКІЙ.